

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

НАСЛЕДНИК ПЕТРА. ПОДКИДЫШ
НАСЛЕДНИК ПЕТРА. КАНДИДАТСКИЙ МИНИМУМ

**Цикл
«Инженер»**

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ
ОСТРОВ ВЕЗЕНИЯ

**Цикл
«Терра инкогнита»**

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА
ЭРА НАДЕЖД

**Цикл
«Приносящий счастье»**

ДОМ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Андрей Величко

Остров везения

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 2010 году
Выпуск 112

Величко А. Ф.

В27 Остров везения: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 311 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2207-4

Едва получив возможность посещать прошлое, инженер Найденов сразу вынужден был впрячься во множество дел, при этом понимая, что оставшейся жизни не хватит даже на то, чтобы довести до ума хотя бы половину из них. Но не опускать же руки из-за такой мелочи! Тем более что потом потихоньку выяснилось — он успевает закончить практически все.

Однако на смену одним трудностям пришли другие, которые тоже вовсе не мешало бы преодолеть. Так что, с учетом прошлого опыта, Найденов решил, что в принципе он может и успеть, ибо каких только чудес не случается в жизни!

Но того, что время, силы и возможности у него появятся таким странным образом, да еще и в немалой степени благодаря пронырливости и обаятельности его дочери Насти, он предположить не мог. Хотя это не помешало ему, когда потребовалось, действовать в своей обычной манере — ну, будто он с самого начала все предвидел и теперь ему даже как-то немного скучно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Величко А. Ф., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2207-4

ПРОЛОГ

Пароход «Херсон» имел весьма почтенный возраст и богатую приключениями биографию. В далеком тысяча восемьсот девяносто третьем году он был спущен на воду в Англии, вскоре куплен Россией, а спустя три года вошел в состав Доброфлота. Впрочем, как грузовое судно он оказался не очень экономичен — слишком уж мощные у него были машины, что, в отличие от большинства тогдашних грузовозов, позволяло развивать скорость почти в двадцать узлов. Правда, его и покупали с целью в случае войны быстро переоборудовать во вспомогательный крейсер.

Этот час настал в самом начале тысяча девятьсот четвертого года. «Херсон» приобрел оружие — четыре трехдюймовки плюс два торпедных аппарата, сменил имя на «Лену» и был объявлен крейсером. Однако никакой особой славой он себя не покрыл, потому как действовал не в составе черногорской эскадры адмирала Маслачака, а сам по себе, да еще подчиняясь непосредственно Главному морскому штабу. В общем, за всю первую половину войны он взял всего один приз, да и то мелкий, а потом четыре месяца ждал ремонта после случайной встречи с японским крейсером «Такачихо». Пользуясь преимуществом в скорости, «Лена» смогла уйти, но все-таки получила заметные повреждения.

После войны корабль был куплен лордом-протектором Курильского королевства — естественно, по дешевке, учитывая его плачевное состояние. И с восьмилетней рассрочкой платежа под смешные полтора процента годовых. После чего «Лену» кое-как подлатали во Владивостоке, и она, сменив имя на «Итуруп», своим ходом поковыляла в Германию, к месту уже настоящего капитального ремонта с заменой котлов.

После ремонта корабль, скорость которого теперь могла достигать двадцати трех узлов, использовался Курильским королевством для грузовых перевозок. Причем никто почему-то не жаловался на его низкую экономичность — она каким-то странным образом ухитрялась почти не влиять на прибыль от торговых операций лорда-протектора. А если и влиять, то исключительно в сторону увеличения. Англичане даже заявляли, что «Итуруп» участвует в контрабанде оружия из Китая в Индию и Ирландию, но доказать свои беспочвенные инсинуации так и не смогли.

Когда началась мировая война, «Итуруп» стал крейсером Первой курильской эскадры. Теперь он действовал куда результативней, чем во время Русско-японской, и до самого конца военных действий находился в строю. Ну а когда настал мир, лорд-протектор продал корабль Израилю. Правда, в собственности этого государства «Итуруп» пробыл всего несколько дней. Министр иностранных дел Израиля выкупил его у государства и преподнес в дар ДОМу. Проправительственные средства массовой информации утверждали, что это было сделано из-за избытка душевного благородства и большой любви к детям. Впрочем, ни для кого не секрет, что всегда найдутся желающие очернить любое проявление лучших черт в человеке. Поэтому некоторые желтые листки, не

утруждаясь доказательствами, тут же написали, что приступ филантропии случился с Немнихером сразу после беседы с канцлером Найденовым, где тот, не особо стесняясь в выражениях, озвучил свое огорчение по поводу того, что милейший Арон Самуилович опять проворовался. И главное, ухитрился при этом нанести Российской империи косвенный финансовый ущерб. И что министр был до полусмерти рад, когда ему удалось так дешево замять эту чреватую серьезными неприятностями историю.

Как бы там ни было, корабль еще раз сменил название и, вернувшись под российский флаг, снова стал «Херсоном». Впрочем, многие, не разобравшись, продолжали считать его израильским и произносили название с ударением на первом слоге. Мол, именно каким-то таким сыном Найденов и называл Немнихера во время беседы, причем это было слышно даже в коридоре.

Так как корабль был подарен все-таки ДОМу, а не его более секретной ипостаси — СИБу, то, понятное дело, основной декларируемой задачей «Херсона» стала перевозка детишек к месту отдыха и обратно. Причем нельзя сказать, что это было совсем уж беспардонным враньем. Вот, например, сейчас на борту находилось пятнадцать детей. И кроме них — полторы сотни морских пехотинцев. Ведь как неоднократно заявляло руководство Российской империи: дети есть наше будущее. И значит, их надо как следует охранять, особенно в столь беспокойном месте, как южная часть Тихого океана.

Командовала детьми, а точнее все-таки подростками, девушка по имени Настя. Впрочем, так фамильярно ее называли немногие. Для большинства же она была «ее

высочество великая княжна Российской империи и наследная принцесса Ирландского королевства Анастасия Георгиевна Найденова-Романова». Для подчиненных — просто «госпожа ликтор».

В данный момент принцесса стояла на палубе и смотрела, как на горизонте постепенно вырастает силуэт острова Пасхи — последнего пункта, который следовало посетить во время текущего вояжа.

ГЛАВА 1

Настя в последний раз глянула в зеркало и убедилась, что мундир сидит безукоризненно. Пилотка заломлена под строго установленным углом, черный китель идеально облегает фигуру, черная же юбка достает точно до середины бедра. На ногах изящные сапожки из крокодиловой кожи, на талии широкий ремень с большим ПФМ в полуоткрытой кобуре. Сверкают серебряные нашивки и зеркальные очки. В общем, из зеркала на девушку глядел прямо-таки образцовый ликтор Службы имперской безопасности.

Принцесса хихикнула, вспомнив, как она впервые пришла домой в этой форме. Младший брат Андрейка тогда глубокомысленно изрек, что ей не хватает небольшой аккуратной бородки для полного соответствия устоявшимся канонам. И когда только успел слова-то такие выучить, шкет!

Настя немного поправила черный галстук. Вообще-то женская форма ликтора имела два варианта. Один — такой, в каком сейчас красовалась принцесса. У второго галстук отсутствовал, а вместо рубашки была блузка с глубоким декольте, и носительнице предоставлялось право свободного выбора варианта. Настя выбрала этот, с галстуком и рубашкой, потому как трезво оценивала свою фигуру и понимала, что декольтировать там пока еще практически нечего.

Так, одернула себя принцесса, хватит вертеться перед зеркалом. Катер уже спущен, и пора явить свою облеченную явными и тайными полномочиями персону администрации острова Пасхи.

Разумеется, принцесса немного волновалась. Официально ее миссия заключалась в инспекции Маркизских островов на предмет уточнения того, чем Россия может помочь их аборигенам. Причем это, само собой, была чистейшая правда. По итогам войны Франция оказалась не только разделена на три части, но и полностью лишена колоний. В основном они достались Германии, часть бывшей Французской Полинезии удалось спихнуть Японии, но вот от Маркизских островов у императора, даже при всемерной поддержке канцлера, отбрыкаться не получилось. Хорошо хоть они стали не полноценной колонией, а самоуправляемой территорией под протекторатом Российской империи. Вот, значит, задачей принцессы и было выяснить, насколько там реально появление хоть какого-то самоуправления. А также способно ли еще местное население прокормиться самостоятельно, или столетние усилия колонизаторов уже привели к тому, что это невозможно.

Однако у принцессы имелась и еще одна задача, поставленная ей отцом в беседе тет-а-тет. Она была связана с тем, что власти Федерации не смогли сохранить в тайне свои контакты с другим миром. И раз уж тайна все равно накрылась медным тазом, было решено извлечь из этого максимальную пользу.

Люди Найденова вышли на контакт с китайскими властями двадцать первого века и предложили им арендовать место, где время течет примерно в тридцать, а то и в пятьдесят раз быстрее, чем в их мире. И построить там научный центр, а также завод по производству компьютерной техники. И клинику, чтобы можно было ис-

пользовать лечебно-тонизирующие свойства порталов. Для начала в качестве такого места был предложен остров Янг неподалеку от Антарктиды, но китайцам он вполне обоснованно не понравился — слишком уж там холодно и ветрено. И значит, топливо придется в больших количествах непрерывно туда подвозить, да и само строительство сильно подорожает. Канцлер согласился и задумался о передаче им какого-нибудь курильского острова, но это годилось только в качестве запасного варианта. Больно уж в оживленном районе находились Курилы и достаточно близко как к России, так и к Японии с Китаем. К тому же там наличествовала сейсмическая опасность. В идеале нужен был предельно одинокий остров в малопосещаемом районе, да к тому же с подходящим климатом. Вот Найденов и отправил дочь глянуть на Маркизские острова с этой точки зрения. Впрочем, он сильно подозревал, что они все же не подойдут, а идеальным вариантом будет остров Пасхи. Правда, он никоим боком не относился к России, но это означало лишь то, что Анастасии следовало еще и сообразить, как в случае положительного решения о пригодности острова исправить это досадное упущение. И, разумеется, прикинуть, какие силы для этого понадобятся.

Официально же русская княжна и ирландская принцесса желала после завершения инспекции полюбоваться на знаменитые статуи острова Пасхи — с целью повышения культурного уровня и расширения исторического кругозора.

Казалось, что гостей встречает все население острова — во всяком случае, по берегам маленькой бухточки толпилось около сотни туземцев, а в центре стояли шесть европейцев. Катер, казавшийся огромным на фоне находящихся в бухте трех тростниковых лодочек и од-

ной деревянной, уткнулся тупым носом в миниатюрный песчаный пляж, и на землю сошли сначала девять морских пехотинцев в полном вооружении, затем переводчик с испанского, на котором принцесса говорила не совсем свободно, и, наконец, она сама.

От группы европейцев отделился средних лет человек в чилийском военно-морском мундире и представился губернатором острова лейтенантом Луисом Амадо Дюраном. В ответ Настя отбарабанила все свои титулы.

— О... — изумился чилиец, — вы дочь русского канцлера? Для нашего острова большая честь принимать столь высокую гостью. И, не побоюсь этого слова, столь же прекрасную. Чему мы обязаны этой неожиданной честию?

Принцесса кратко объяснила про статуи. Сама же, присмотревшись к аборигенам, не обнаружила в них ни малейших признаков сердечной привязанности к чилийцам. Да и то, что из шести белых четверо были с ружьями, говорило само за себя. Ведь не против же бронированного катера, вооруженного двумя скорострельными авиационными пушками, они их взяли! Кажется, в случае необходимости народно-освободительный порыв местного населения не заставит себя долго ждать.

Господин губернатор тоже не был всецело поглощен разговором. Любезности и комплименты он выдавал автоматически, а сам в это время лихорадочно размышлял, чем может лично для него обернуться столь неожиданный визит.

Собственно говоря, он знал всего один аналогичный пример. В самом начале девятого года на остров Гран-Канария прибыл канцлер Найденов. Просто отдохнуть, потому как никаких, даже самых захудалых достоприме-

чательностей там не водилось. До этого визита губернатор Гран-Канарии был практически свободен в своих действиях — ну, разумеется, настолько, насколько ему позволяли откровенно нищенские финансовые возможности управляемой им территории. После визита даже такая свобода заметно сократилась, но зато сейчас губернатор входил в первую десятку богатейших людей Испании. В принципе лейтенант был совершенно не против, чтобы и с ним произошло нечто подобное, тем более что кто-то из русских уже сказал, что на самом деле свобода есть всего лишь осознанная необходимость. И уж ту самую необходимость, если ее цифровое выражение будет иметь более двух нолей после значащей цифры, да еще в рублях, господин губернатор был готов осознать немедленно и всеми фибрами души. Правда, оставался еще один вопрос. А вдруг девушка действительно приплыла сюда всего лишь полюбоваться на статуи? Ведь, в конце концов, русский канцлер человек отнюдь не бедный и вполне может позволить себе немного побаловать дочь. Мало ли, вдруг она с детства интересуется всякими каменными истуканами.

Тогда, пожалуй, можно будет попытаться продать ей несколько статуй, решил лейтенант. Рубля по три за штуку. Они все равно валяются по всему острову, никто их не считал, а корабль у принцессы большой, и на корме у него есть мощный грузовой кран. Но, кажется, он что-то пропустил? Принцесса явно ждет ответа.

— Ваше высочество, смиренно умоляю меня простить, но я настолько потрясен вашей красотой, что просто теряю нить разговора. Вы изволили меня о чем-то спросить?

— Да, господин губернатор. Где можно расположиться мне и моим людям?

— Мой дво... — начал было Дюран, но потом подумал, что если он назовет эту халупу дворцом, то девчонка рассмеется прямо ему в лицо. Даже домом назвать и то будет слишком.

— Мое скромное жилище в полном вашем распоряжении, ваше высочество.

— Спасибо, но я не могу позволить себе так вас стеснять, — сморщила носик принцесса. — У нас есть палатки, и я прошу вас указать, где их можно ставить.

— Где вам будет угодно! Но позвольте дать небольшой совет? Не следует располагаться в непосредственной близости от селения. Туземцы — отъявленные воры и тащат абсолютно все, что им приглянется. Зато в небольшом отдалении есть прекрасная бухта под названием Анакена. Уверяю, вам там понравится.

Как раз на противоположном конце острова, припомнила карту Настя. Но бухта действительно неплохая, и, в конце концов, какая мне разница? И милостиво кивнула:

— С удовольствием воспользуюсь вашим советом, господин губернатор. Вы дадите мне на корабль провожатого, чтобы он показал, где это место?

К шести вечера «Херсон» встал на якорь перед Анакеной, а в семь обустройство лагеря было закончено. Большая палатка для Насти, две чуть поменьше — для ее помощников, и четыре стандартных армейских для охраны. Из техники на берег были переправлены четыре кроссовых мотоцикла, полевая кухня и самолет «Тузик». С пилотом такого веса, как принцесса, и с запасом бензина на сорок пять минут полета самолетику для взлета и посадки хватало пятидесяти метров, и морпехи уже нашли подходящее место и начали расчищать

его от камней, пообещав, что утром можно будет лететь.

Настя зашла в свою палатку, ослабила галстук и сбросила сапоги. Хотя она пока смогла рассмотреть малую часть острова, но увиденное произвело на нее удручающее впечатление.

Дело было в том, что в распоряжении канцлера оказались только две фотографии острова из этих времен, а все остальные были из двадцать первого века. И насколько же отличалось изображенное на них от увиденного! Там, например, бухта Анакена представлялась райским местечком. Большой песчаный пляж, по краям которого живописно располагались пальмовые рощи, зелененькая травка...

Здесь же пляж был куда меньше, никаких пальм не было и в помине, а вместо травки кругом расстилалась красная сухая земля с изредка торчащими меж камней чахлыми полузасохшими кустиками. Все правильно, остров Пасхи сейчас переживал самый пик экологической катастрофы.

До прибытия первых аборигенов остров был полностью покрыт тропическими лесами. Однако переселенцы оказались деятельными, трудолюбивыми людьми — и начали массово выжигать лес под поля. Самые большие пальмы, которые росли только тут, а в других местах полностью вымерли, были пущены на корпуса каноэ. И, как будто сделанного было мало, пришельцы начали возводить статуи.

Сначала они сняли весь дерн со склонов горы, чтобы добраться до базальта. Потом для транспортировки истуканов потребовались веревки и бревна, причем во все возрастающих количествах.

В общем, к середине семнадцатого века деревья на острове исчезли полностью, то есть вообще все. Но хоть

трава и кусты тогда еще оставались! Однако сейчас и их век подходил к концу. В Чили не придумали ничего лучше, чем разводить на несчастном острове овец! И теперь они его дожирали. В окрестностях Анакены, например, вполне можно было снимать фильмы из марсианской жизни — тут уже образовался более чем подходящий пейзаж.

Утром принцесса поднялась в небо. С воздуха остров выглядел ничуть не лучше, чем с земли, разве только было хорошо видно, что он такой унылый весь. Впрочем, не совсем — на восточной оконечности явно несколько хуже, чем везде. Растительность там отсутствовала полностью, и ветер гонял красные вихри.

Уже все слопали и вытоптали, бяши прожорливые, поняла Настя и направила самолетик к центру острова. Там еще росла трава, а на ней паслись овцы. Ну я вам сейчас аппетит-то испорчу!

Настя двинула от себя сразу и сектор газа, и ручку. «Тузик» снизился до бреющего полета и на предельной скорости промчался над стадом. Такого не вынесли ни овцы, ни пастухи, все в панике кинулись в разные стороны. Напоследок пройдя над селением, принцесса повернула на северо-восток, к Анакене. Да, остров идеально подходил под те задачи, что поставил канцлер. Куда лучше любого из Маркизских. Те покрыты горами и ущельями, рельеф очень изрезан, и везде леса. Наблюдать с воздуха там будет очень трудно, да и строителям тоже придется несладко. Здесь же остров достаточно ровный, не считая трех гор по углам. Никаких ущелий нет, дороги можно прокладывать в любом направлении, а внедорожная техника и так пройдет почти везде. Есть отличное место для аэродрома с полосой не менее полутора километров. Ну а что здесь практически пустыня, несмотря на вполне достаточное количе-

ство осадков, — не страшно. Говорят, китайцы в двадцать первом веке стали даже еще более трудолюбивыми, чем были в двадцатом. Так пусть сажают пальмы, бамбук и прочие подходящие растения! Им же самим веселее будет. Но никаких овец! В конце концов, в море полно рыбы.

Теперь оставалось только сообразить, какие шаги надо предпринять прямо сейчас, чтобы остров оказался в нужных руках в ближайшее время. Инструкции канцлера были совершенно однозначны и не допускали двойного толкования. Насколько принцесса помнила, звучали они так:

«Доча, какие тебе еще нужны указания? В ДОМе всегда поощрялась разумная инициатива. Я тебе выделил средства и охрану. Татьяна Викторовна — корабль и почти половину предвыпускного курса полевых агентов со знанием испанского. И какая мне разница, каким именно способом ты выполнишь порученное? Привыкай к самостоятельности, я у тебя всю жизнь за спиной стоять не буду. Могу только еще раз напомнить, чтобы ты не забывала об экономии средств и о международном имидже нашей великой державы».

Если честно, то Настя до сих пор не до конца понимала, как можно объединить два эти требования. По отдельности-то нет ничего сложного — хоть навести такую экономию, что дальше будет просто некуда, хоть поднять имидж на недосыгаемую высоту, но это потребует немалых расходов.

Подумав, Настя решила, что надо определить некую сумму. Такую, чтобы она была не слишком большой, но и не настолько скромной, чтобы пошли разговоры о скаредности русских. И уж потом решить, какую часть выделенных денег дать народу острова, какую — его администрации. А также кому лучше выделить все оставшее-

ся — правительству Чили или Одуванчику, чтобы он наглядно объяснил тому правительству, насколько оно было не право, без всяких на то оснований аннексируя остров, испокон веку принадлежащий великому народу рапануйцев.

ГЛАВА 2

Посадив «Тузик» рядом с лагерем, принцесса заметила, что за время ее полета там добавилась лишняя палатка, отличающаяся от прочих небольшим размером, ярко-зеленым цветом и куполообразной формой. Что говорило — супружеская пара Калюжных тоже перебралась с корабля на берег.

Морпехи, почти весь экипаж «Херсона» и две трети Настиных подчиненных считали, что это какой-то довольно известный писатель, отправленный Найденовым в экспедицию для того, чтобы собрать материал для очередного своего нового романа. Или даже сериала, чем черт не шутит. А так как он недавно женился, то взял с собой молодую жену, дабы совместить командировку в экзотические страны с медовым месяцем. Но Настя знала больше.

Известный писатель, говорите? Ну-ну, может, кому-то там он и известен. Но все равно название для пары совершенно неправильное. Это не писатель Калюжный со своей молодой женой, а живая легенда СИБа старший прокуратор Герда Паульсен со своим молодым мужем. Правда, теперь ее фамилия Калюжная, а имя Галина.

Настя помнила, как, изучая в спецшколе операции этой выдающейся полевой агентессы, представляла ее здоровенной мужеподобной бабищей, способной голыми руками ломать подковы и завязывать лом морским

узлом. И каково же было изумление принцессы, когда Татьяна Викторовна познакомила ее с Гердой!

Перед Анастасией стояла среднего роста худощавая миловидная женщина, выглядевшая гораздо моложе своих тридцати трех лет. Не то чтобы ослепительная красавица, но все же ее слегка неправильные черты лица чем-то притягивали взгляд. Герда редко улыбалась, но, когда это все-таки происходило, женщина преображалась. Наверное, именно такой доброй и немного застенчивой улыбкой она провожала в последний путь своих многочисленных клиентов, чье дальнейшее существование чем-то мешало Российской империи. Настя с тех пор не раз ловила себя на том, что непроизвольно пытается копировать жесты, походку и улыбку Герды.

Никакой тайны для принцессы роль этой женщины не составляла. Отец не побоялся сразу доверить дочери важное и сложное задание, но не решился отправить ее в дальние страны совсем одну. За что, честно говоря, Настя была ему очень благодарна. Все-таки с Гердой куда спокойнее, чем без нее, она в случае чего поддержит советом, а в самом крайнем варианте — и действием. Правда, в необходимости присутствия писателя принцесса не была до конца уверена. Мало ли, а вдруг он и про нее чего-нибудь напишет, красней потом. Впрочем, Настя быстро вспомнила — сколько всего, причем далеко не всегда комплиментарного, было написано про ее отца, и как он на все это чихать хотел, после чего успокоилась. Про нее столько при всем желании не накорябать. Наверное, писатель нужен для душевного комфорта своей жены, а он дорого стоит, так что пусть себе пишет что хочет.

Принцесса направилась к зеленой палатке, но Герда уже вышла ей навстречу.

— Как тебе показался остров? — поинтересовалась старший прокуратор.

— Гиблое место, каких еще поискать, — с чувством ответила Настя. — Идеально подходит под наши требования, как будто для этого и был создан. Я вот сейчас думаю, во сколько он обойдется России и кому в какой пропорции эти деньги выделить.

Далее принцесса ознакомила собеседницу со своим прикидками.

— Две тысячи этому провинциальному хлыщу, здешнему губернатору? — удивилась Герда. — Да он сам отдал бы не меньшие деньги, если бы они у него были, чтобы как можно быстрее покинуть эту глушь. По-моему, ему и семисот рублей за глаза хватит. Насчет же кому отдать оставшееся, Паше или чилийскому правительству, то мне кажется, что последнее немного предпочтительней. Просто потому, что таких денег, какие не стыдно будет предложить лорду-протектору, они не видели ни разу в жизни, не говоря уж о том, чтобы ими владеть. Ибо нищета голоштанная. Кроме того, дать денег Одуванчику придется вполне реально, а с Чили возможны и несколько иные варианты. Например, пообещать им оказать помощь в развитии туристического бизнеса. По-моему, даже до такой дыры должны докатиться слухи, насколько это выгодно.

Настя кивнула. Да, слухи насчет сверхдоходности туризма ходили весьма интенсивные, иностранный отдел ДОМа не жалел сил на их распространение. Потому как на самом деле и Канарские, и Гавайские острова работали прачечными по отмыванию полученных не совсем безукоризненными путями средств. Канарами в основном пользовался канцлер, а Гавайями — ее величество Мария Первая при всемерной поддержке Израиля, где она являлась бессменным президентом.

— Смотри. — Герда отломила от ближайшего куста палочку и начала чертить ею на песке. — Вот остров Пасхи. Вот Маркизские острова, вот архипелаг Питкэрн, где южно-тихоокеанская база Одуванчика. Если где-то вот тут поставить еще одну точку, то остров Пасхи окажется внутри треугольника. И значит, несанкционированный доступ к нему станет весьма маловероятным. Здесь есть земля, архипелаг Хуан-Фернандес. И его не обязательно отнимать у Чили, достаточно просто организовать там туристический центр. Но вот как объяснить, с какого перепугу туда якобы попрут отдыхающие, я не знаю.

Настя ненадолго задумалась, вспоминая, что она знает об этом архипелаге. Решение нашлось почти сразу.

— Там же несколько лет жил Селькирк, прототип Робинзона Крузо! А его во всем мире знают. Вот, значит, надо быстренько переименовать место в остров Робинзона Крузо, а потом взять в руки роман и прямо по тексту создавать достопримечательности. Набросать на берегу всяких мачт и шпангоутов. Поставить частокол с палаткой на склоне холма, вырыть погреб. У Робинзона, кажется, там кошки жили? Я думаю, отец ими поделится. Опять же коз туда дрессированных и говорящего попугая — это будет место для мам с детишками. Для любителей ужасов надо соорудить кострище с человеческими костями и недоеденным мясом, а рядом — найти пещеру и сунуть туда чучело козла пострашнее. Ну а для прочих мужиков организовать стриптиз-бар «В гостях у прекрасной Пятницы».

— Насколько я помню, Пятница был мужчиной, — усомнилась Герда.

— Да какая разница! Посетителям в баре объяснят, что Англия всегда была пуританской страной, а уж в начале восемнадцатого века тем более. В силу чего Дефо просто не мог прямо написать, какого пола была Пятни-

ца и чем они с Робинзоном занимались на своем острове. Вот писателю и пришлось прибегнуть к иносказаниям.

— Интересно, — рассмеялась Герда, — ты не против, если я подкину твою идею Виктору? Он сможет сочинить неплохой сценарий.

Потянулись рабочие будни. Подчиненные принцессы дневали и ночевали в единственном поселке острова Ханга-Роа. Они знали испанский, трое имели некоторое понятие о рапануйском языке, а появление подростков, почти детей, и их искренний интерес к туземной экзотике не вызывали особых подозрений. Кое-какие нюансы они уже выяснили.

Поселок был обнесен изгородью, за которой местным жителям запрещалось ставить свои жилища, да и вообще их появление за пределами периметра не приветствовалось. Чилийцы объясняли эти строгости склонностью островитян к воровству овец, а ведь животные принадлежали военно-морскому флоту. Узнав об этом, Настя тут же отбила радиограмму Одуванчику, у которого, как она знала, на его южно-тихоокеанской базе уже проявились небольшие продовольственные трудности, связанные с тем, что рыба хуже горькой редьки надоела строителям аэродрома на острове Хендерсон и РЛС — на Питкэрне. Пусть дядя Паша отправит сюда посыльное судно, решила принцесса. За овцами. Сейчас их воровство лимитировалось, если так можно сказать, естественными причинами. Аборигены крали столько, сколько могли незаметно съесть. С такими потерями чилийский флот еще как-то мирился, особенно после восстания, вспыхнувшего несколько лет назад как раз из-за излишних строгостей, коими власти пытались прекратить воровство. Но с появлением курильского заготовительного корабля ситуация радикально изменится. Рапануйцы начнут красть

не столько, сколько влезает в их желудки, а столько, сколько сможет оплатить его светлейшее высочество лорд-протектор. А это уже совсем другие цифры, овец на острове хватит максимум на два рейса. И ценность Пасхи для чилийского флота начнет стремительно приближаться к нулю, а потом и вовсе станет отрицательной величиной. Ибо адмирал Маслачак в Тихоокеанском регионе был ничуть не менее известной личностью, чем Найденов в Европе. Потому как канцлер сидел где-то на другом краю земли, в снежной России, а лорд-протектор — вот он, совсем рядом. Его корабли могли появиться в любой момент, а самого Одуванчика можно было обвинить в чем угодно, кроме хоть в сколько-нибудь заметной деликатности.

Сама же принцесса каталась по острову на кроссовом мотоцикле в компании с Галиной Калюжной. Девушки осматривали статуи, а параллельно провели первые геодезические работы на месте будущего большого аэродрома. Кроме того, Герда тоже несколько раз слетала на «Тузике». Однако ее маршруты проходили на большей высоте и были строго прямолинейными — госпожа старший прокуратор проводила аэрофотосъемку.

Вскоре появился средних размеров корабль под курильским флагом, а через день губернатор напросился на прием к принцессе. Первым вопросом было: не знает ли ее прекраснейшее высочество, что за корабль стоит напротив Ханга-Роа?

— Знаю, — кивнула Настя, — это личная посыльная яхта дяди Паши. На ней есть хороший бассейн, теннисный корт и не то две, не то три пусковые установки для крылатых ракет среднего радиуса действия. Хотя, может, их четыре, я специально не интересовалась.

— Э-э-э... — растерянно проблеял губернатор, — а не будете ли вы столь любезны разъяснить, кто такой дядя

Паша? Прошу простить, но у нас тут не Европа, и личности, известные в ней, могут быть неизвестны здесь.

— Дядя Паша — это один хороший знакомый моего отца. Его светлейшее высочество лорд-протектор Курильского королевства адмирал Пол Маслачак. Неужели вы о нем ничего не слышали?

— Слышали, — обреченно вздохнул Луис Амадо Дюран. Губернатор ясно чувствовал, что у него со дня на день, а то и с минуты на минуту могут начаться большие трудности.

— Ну а раз так, то нам пора поговорить предметно. — С этими словами принцесса выложила на походный столик пачку денег. Довольно тонкую, но зато это были не чилийские песо и даже не американские доллары, а самые настоящие рубли.

— Как вы, наверное, уже поняли, отныне остров Пасхи не представляет для Чили интереса как поставщик мяса и шерсти. Правда, все это нужно господину адмиралу, но он как деловой человек наверняка предпочтет платить не чилийскому правительству и даже не вам, а туземцам. Если я не ошибаюсь, он это уже предпочел.

— За одну ночь исчезло триста пятьдесят голов, — горестно подтвердил губернатор, косясь на возделенную пачку и пытаясь дистанционно сосчитать, сколько в ней купюр.

— Не расстраивайтесь, это только начало. В связи с чем у меня к вам есть деловое предложение. Вы отправите в Чили рапорт, в котором, не жалея красок, опишете сложившуюся ситуацию. Мол, ни сохранить овец, ни тем более оборонять остров у вас нет ни малейшей возможности. То, что вызвало у вас такой интерес, — это небольшой аванс. Если ваш рапорт произведет должное впечатление, то вы получите как минимум вдвое больше. Берите, не стесняйтесь. Но это еще не все. В том же ра-

порте вы напишете, что готовы организовать поставки продовольствия с архипелага Хуан-Фернандес в случае, если вас назначат тамошним губернатором.

— Но ведь там невозможно разводить овец, безуспешные попытки уже были.

— Зато коз — вполне возможно. Кроме того, в прибрежных водах есть много гигантских лангустов. Однако это далеко не главное.

Далее принцесса изложила губернатору свою идею относительно острова Робинзона Крузо.

— В случае если им будет руководить вменяемый человек, я готова вложить в проект свои собственные средства. Столько, сколько понадобится, ибо у меня нет сомнений в высокой доходности подобного бизнеса, — закончила княжна.

— К сожалению, связь Чили с островом Пасхи осуществляется всего одним кораблем, приходящим сюда раз в год, и он был тут незадолго до вашего появления, — развел руками Дюран.

— Не волнуйтесь, ваше дело только написать рапорт, а его доставку по адресу обеспечу я, и это не займет много времени. Согласны? Отлично, никто не сомневался в вашем глубоком уме и трезвости оценки обстановки. Тогда сразу по возвращении домой садитесь писать и не думайте ни о каких овцах, это отвлекает от творчества. Все равно никакого влияния на их дальнейшую судьбу вы оказать не сможете. И кстати, не подскажите, почему на острове нет священника? Как-то это не очень похоже на обычную колониальную практику.

— Отец Алонсо умер полтора года назад, мир праху его. А нового с материка до сих пор не прислали. Очень жаль, это был весьма достойный человек, и вообще, без церковного руководства туземцы ведут себя заметно хуже.

— В таком случае, надеюсь, вы не станете препятствовать тому, что наш священник проведет тут несколько воскресных служб?

— Но ведь вы же... умоляю, не примите за оскорбление... но вы ортодоксы, а здешнее население исповедует католичество.

— Это будет самый настоящий католический батюшка, не сомневайтесь. В России действует свобода вероисповедания, причем не только на бумаге, но и по факту. Там можно встретить не то что католиков, лютеран и мусульман, но и вудуистов.

Анастасия говорила чистую правду. Среди выпускников духовного факультета Георгиевской высшей спецшколы ДОМа случались даже адепты Ктулху.

— И еще один небольшой вопрос, — продолжала принцесса. — Вы же понимаете, что военная служба тяжела сама по себе, а уж на корабле, вдали от твердой земли, и тем более. Морские пехотинцы моей охраны устали. Я уже подписала сорока человекам разрешение на полугодовой отпуск для восстановления сил, который они собираются провести на вашем прекрасном острове. Не беспокойтесь, жить они будут на месте моего лагеря, и мы снабдим их достаточными запасами, чтобы они не только не обременили местное население, но и могли оказать ему помощь в случае необходимости. Они не собираются ни во что вмешиваться — если, конечно, их на это не спровоцируют. Возможно, некоторые местные женщины захотят поправить свое материальное положение, а заодно скрасить солдатам тяготы одиночества. Не нужно им препятствовать. Все детали на ближайшей же проповеди объяснит священник. Не беспокойтесь, наши морские пехотинцы абсолютно здоровы, за этим постоянно следят.

Ну вот и все, подумал губернатор, седлая коня для возвращения в Ханга-Роа. Разумеется, русские не собираются ждать, пока в Сантьяго примут какое-то решение. Хотя, наверное, у них есть основания предполагать, что оно в конце концов будет положительным. Единственное, что пока еще не очень ясно, — будет ли остров Пасхи аннексирован официально или тут произойдет что-либо иное.

Некоторое подобие ответа на этот вопрос Дюран получил через два дня. Среди туземцев вдруг возникли разговоры про какой-то референдум о восстановлении независимости острова Рапа-Нуи. В основном островитян интересовало, что это такое, поместится ли оно на центральной площади поселка и чего от него будет больше — вреда или пользы. Большинство склонялось в сторону второго предположения, мотивируя это тем, что неведомый референдум готовят русские, которые очень приличный народ, по щедрости не сравнить с чилийцами. И они дружат с теми, которые приплывали на белом корабле за овцами и обещали скоро повторить визит, а это вообще просто замечательные люди. Ведь они расплачивались ножами, ложками, кружками, рыболовными крючками, отрезами ткани и прочими необходимейшими в хозяйстве вещами, причем за хорошую овцу давали целых два предмета, а за очень хорошую и все три. На выбор!

ГЛАВА 3

— Как-то уж больно рано наша дочка стала взрослой, — вздохнула Мари.

— Ничего себе — рано! — удивился я. — Завтра пятнадцать лет исполняется человеку. В таком возрасте при-

личных принцесс уже всюду замуж выдают, и ничего. Жалко, конечно, что праздновать придется без нее, но тут уж ничего не поделаешь — положение обязывает. Андрей говорит, что Рекс согласен принять подарки, предназначенные имениннице. Опять же Гайдар командовал полком, будучи ненамного старше Насти. А учитывая, что женщины взрослеют раньше мужчин, да плюс то, что в непосредственном подчинении у нее сейчас всего четырнадцать человек, то и тем более.

— Может, именно из-за этого у Гайдара такой внук и вырос, — покачала головой Мари, уже успевшая основательно ознакомиться с историей мира, где я родился. — Нельзя в юном возрасте распоряжаться чужими жизнями, это обязательно скажется на психике.

— Во-первых, не факт, а во-вторых, наша дочка и не распоряжается. Если обстановка сложится так, что придется посылать кого-то на смерть или принимать решение о чьей-либо ликвидации, то командование примет другой человек, у него есть все необходимые письменные полномочия.

— Ладно, хорошо хоть, что она все успешно закончила. Надеюсь, ты не собираешься запрещать девочке немного отдохнуть после первого задания?

Я заверил, что это совершенно не входит в мои планы, пусть делает что хочет. А про себя подумал, сколь разные выводы мы сделали из одной и той же радиограммы, посланной нашей дочерью.

После отчета о выполнении задания Настя приписала, что на острове нашлось нечто интересное, требующее дальнейшего изучения, в силу чего она приняла решение продлить свое пребывание там еще на неделю. Мари решила, что Насте захотелось просто отдохнуть на тропическом острове перед долгой дорогой домой. Я же был уверен, что это не так. Если бы дочь хотела отдохнуть, то

она сказала бы об этом прямо. И уж точно не стала бы из-за своих капризов задерживать корабль, команду и морских пехотинцев. Кроме того, остров явно представлял собой на редкость неудачное место для отдыха. Поэтому еще вчера на «Херсон» был отправлен кодовый сигнал, означающий, что я жду доклада от Герды.

Он пришел поздним вечером. Содержание его было таково:

По поводу задержки могу сообщить следующее. Решение о ней было принято Настей после беседы с местным шаманом, состоявшейся в процессе подготовки к референдуму о восстановлении независимости острова. Разговор шел в двойном переводе. Рапануйско-испанский перевод делал староста поселка Ханга-Роа, абориген. Испано-русский — я. С моей точки зрения, беседа не содержала ничего, что могло бы послужить причиной для принятия решения о продолжении миссии сверх обусловленного срока. На острове действует культ каких-то птицелюдей, к коим шаман отнес Настю, на основании чего потребовал от островитян оказывать ей почести и относиться к ее словам с максимально возможным вниманием. Думаю, это связано с тем, что Настя во время разведывательного полета иногда опускалась предельно низко и ее могли узнать. Предполагаю, что Настя вынесла из беседы что-то еще, потому как уже успела немного выучить рапануйский. На прямой вопрос она ответила, что точно сказать ничего не может, а только чувствует. Тем самым местом, прямо называть которое ей запрещает мама, говоря, что это неприлично для девушки ее возраста, тем более принцессы.

Ну что же, подумал я, если у дочери прорезалась интуиция, то это надо поощрить. И быстро написал текст радиограммы на «Херсон»:

Ликтору СИБа Найденовой-Романовой А. Г.

Утверждаю Ваше решение. Неофициально подтверждаю, что подобным ощущениям надо доверять. Официально же, в знак признания Ваших заслуг, и как канцлер, и как отец, отныне разрешаю применять упомянутое слово в любой обстановке, как устно, так и письменно, на следующих языках: русском, английском, немецком, французском, датском, испанском и рапануйском. Объяснения с мамой беру на себя. Поздравляю с пятидесятилетием.

*Г. А. Найденов,
государственный канцлер Российской империи.*

Внимательный читатель мог заметить, что в список не попал ирландский язык, который Настя знала очень прилично. Все правильно, его я оставил как резерв на будущее. Должно же у девочки оставаться что-то, к чему надо стремиться!

Сразу после дочкиного дня рождения я собирался в очередной отпуск, на Канары, но теперь у меня неожиданно появилась мысль провести его в другом месте. Потому как доклад Герды давал пищу для размышлений.

Да, она из всех объяснений внезапно взлетевшего до небес авторитета Насти среди туземцев выбрала самое простое, посчитав его самым вероятным, — принцип Оккама старший прокуратор знала хорошо. И в большинстве случаев он подходит, но только не для тех людей и того места!

Я, пожалуй, мог бы узнать Настю, пролетевшую надо мной на бреющем полете. Так то я, за долгую жизнь достаточно насмотревшийся как на самолеты всех видов в любых позициях, так и на свою дочь. А чтобы туземцы, впервые в жизни увидевшие самолет, да еще и с ревом пронесшийся прямо над их макушками, смогли настолько хорошо запомнить пилота и потом однозначно опи-

сать его шаману? Очень даже вряд ли, потому как до такого разгильдяйства, чтобы летать без шлема и защитных очков, Настя дойти не могла. И не доходила, я уже успел специально поинтересоваться.

А это значит что? Правильно: то, что шаман с затерявшегося посреди Тихого океана острова обладает какой-то уж слишком выходящей за рамки допустимого прозорливостью. Вполне возможно, что Настя услышала от него какое-то косвенное подтверждение своих подозрений, в силу чего мне и не помешает отдохнуть не на Канарах, а чуть ли не на самом отдаленном от них островке. Однако такие телодвижения следовало согласовать с императором. Впрочем, для этого даже не пришлось ехать в Зимний, потому как его величество изволило почтить своим присутствием наш скромный семейный праздник. После которого мы и уединились в моем кабинете.

— Пиво будешь? — традиционно поинтересовался я у Гоши.

— Нет, — столь же традиционно ответил он.

— Тогда самообслуживайся, где здесь чай, а где кофе, ты давно знаешь. И вот, значит, какие интересные мысли мне уже второй день подряд не дают покоя...

— Хочешь туда лететь? — догадался император. — Согласен, подпишу приказ об удлинении очередного отпуска, ибо за две недели тебе туда и обратно никак не успеть. Тем более что у тебя с прошлого года остались неиспользованные отгулы, да и с позапрошлого, кажется, тоже.

— Почему же не успею — зря, что ли, я летаю на втором в мире турбовинтовом самолете? До Хабаровска «Аисту-М» лететь десять часов, оттуда до Гавайев — столько же. Там можно будет впихнуть в грузовой отсек дополнительные баки, такая возможность предусмотрена. Тогда керосина хватит до Пасхи и обратно.

— На нем что, есть аэродром, пригодный для посадки межконтинентальных лайнеров?

— Нет, но у меня же двести пятнадцать прыжков с парашютом. Будет двести шестнадцать, только и всего. А там глядишь, и курьерский катамаран подоспеет, на котором я вернусь обратно. Хоть и впритык, но за две недели успеть можно.

— Распрыгался! — возмутился Гоша. — А если ты ноги себе переломаешь, что будет?

— Тогда в следующий раз буду осторожнее.

— Нет уж, ты, пожалуйста, давай в этот. До Гавайев — воздухом, а там как порядочный человек по морю. Так оно будет безопасней, да и внушительней. Неприлично же, если канцлер великой державы свалится на аборигенов сверху, вместе с птичьим дерьмом!

— Ладно, уговорил. От Оаху до Пасхи поплыву на курьерском катамаране.

— Опять тебя куда-то заносит. Там же стоит «Креchet» — прекрасный новейший крейсер. И максимальная скорость у него всего на два узла меньше, чем у твоего курьера.

— Это сколько же он солярки сожжет? — усомнился я. — Причем если идти полным ходом, то на обратный путь ему не хватит, придется гнать танкер.

— Ничего, тебе Маша его рейс из своих личных денег оплатит. Тем более что она все равно посылает танкер к Одуванчику на Питкэрн, а там совсем рядом. А почему ты хочешь на Гавайи лететь через Хабаровск, а не через Тель-Авив? Через него вроде будет немного ближе.

Это император сказал, глянув на висевшую на стене карту.

— Ни фига не ближе. На карту не смотри, она же в меркаторской проекции. Дома можешь по глобусу ниткой померить и убедиться. К тому же, если я вдруг без

предупреждения явлюсь в Израиль, с Немнихером может приключиться инфаркт. Лечи его потом!

— Разве он уже успел еще раз?

— Мы с тобой считаем, что нет, а у него по этому вопросу может быть свое мнение. В общем, вылетать я собираюсь завтра утром.

— Давай заявление на удлиненный отпуск, подпишу. Думаю, трех недель тебе должно хватить.

Время в самолете летит быстро — особенно если сам он летит на восток. Вот только встал, толком не проснувшись, доехал до аэродрома, загрузился в не очень просторный салон «Аиста» — и можно снова спать. Потом проснуться, от души зевнуть, причем лучше не один раз, умыться, выпить чашечку кофе, подумать о чем-нибудь возвышенном — глядь, а лайнер начал снижаться для захода на посадку. Причем в Хабаровске уже скоро наступит утро следующего дня! Правда, дозаправка прошла в темпе, мы взлетели еще в темноте.

Передо мной встал извечный русский вопрос: что делать? Никаких сил спать больше не было. Выпить пива? Но до Оаху еще лететь и лететь, а на борту всего три бутылки. Все правильно, рейс-то планировался на Канары, поэтому и количество оказалось соответствующим. Вдохнув, я достал ноутбук и принялся изучать загруженные туда перед полетом материалы по истории острова Пасхи, потому как ранее интересовался только его географией, ландшафтом и климатом.

На Оаху я прилетел вечером, но уже предыдущего дня, потому как в полете пересек линию перемены дат. Врут злопыхатели, что у канцлера по семь пятниц на неделе! Максимум — по две, как сейчас, да и то не каждый год. В общем, я быстро перебрался на «Кречет», и он тут же отчалил.

Это был крейсер постройки восемнадцатого года, предназначенный в основном для действий в условиях мирного времени. То есть его задачей было не сражение с примерно равным по силе противником в составе эскадры, а гарантированное и произведенное с минимальными расходами уничтожение слабейшего. Или просто наведение на него достаточного страха, пока наглость этого самого «слабейшего» не перешла допустимые пределы. До сих пор в основном так и получалось. Для выполнения этих задач требовалась большая дальность и высокая максимальная скорость, ради достижения которых пришлось пожертвовать броней. Что, впрочем, компенсировалось довольно мощным вооружением, как пушечным, так и ракетным. Кроме того, крейсер имел на борту четыре вертолета.

Сейчас он спешил на юг со скоростью тридцать два узла, то есть почти шестьдесят километров в час, причем мог и быстрее, просто тогда начался бы ускоренный износ машин, а расход топлива вышел бы за пределы разумного. Ничего, и так неплохо, первые мои самолеты летали как раз с такой скоростью.

Шум и вибрация от тринклеров неплохо ощущались даже в адмиральской каюте, но заснуть мне они не мешали. В конце концов, в узком и щелястом фюзеляже «Кошки» и гремело, и трясло куда сильнее, и ничего, в свое время спал как младенец. А тут мало того что тише, так еще и не дует.

Утром я вышел на палубу. Зрелище, конечно, было впечатляющим. «Кречет» несся, разрезая волны острым носом, и бурун взлетал примерно до моего уровня. Иногда, при встрече с особо крупной волной, брызги вообще поднимались выше мостика, а весь корпус корабля вздрагивал с каким-то утробным гулом. Да уж, при таком волнении курьерский катамаран вряд ли развил бы свои

сорок узлов. Его и на тридцати болтало бы, как щепку в водопаде.

Мне не так уж часто доводилось плавать на кораблях, а столь далеко и с такой скоростью — вообще в первый раз. Впрочем, ничего особо интересного я не увидел. Ну океан со всех сторон, так с самолета он смотрится более величественным. Плыдем довольно быстро, со скоростью «Святогора», но уже «Пересвет» мог летать быстрее. Пойти, что ли, позавтракать, тем более что приглашали? До конечной точки маршрута нам плыть еще почти пять суток. И после завтрака можно почитать какую-нибудь книжку, дабы не сдохнуть со скуки. Например, новейшее творение Виктора Калюжного, мужа Герды. Он все-таки решился и написал фэнтезийный роман конкретно для нашего мира, причем, по его словам, произведение не было простым пересказом творений Толкиена. Хотелось бы знать, это к лучшему или наоборот?

«И как, интересно, примерно в этих местах когда-то плавал Магеллан? — подумал я, садясь завтракать в компании старших офицеров крейсера. — Со средней скоростью в десятки раз меньше, чем у нас, да еще и не зная, что за земли ждут его впереди».

Книжка оказалась довольно интересной, хотя, с моей точки зрения, порнографии, особенно межвидовой, там могло быть и поменьше. Или это называется эротикой? В общем, если оттуда убрать девять десятых бессмысленного и беспощадного траха, то книга от этого только выиграет, прикинул я, дойдя до последней страницы. Впрочем, описано ничего так, живенько. Но если не выкидывать похабщину, то название не очень подходит. Пресное оно какое-то. Лучше будет не «Сквозь тьму к свету», а, например, «Выблески тьмы». И кажется, командир говорил, что старший артиллерист неплохо играет в шахматы? Тогда не помешает немного развеяться, а

то после этого произведения читать что-то совершенно не тянет.

Когда до финиша оставалось чуть больше суток пути, мне пришла радиограмма. Она состояла из буквенно-цифрового кода, означавшего — отправителем получены столь важные сведения, что он не может принять решение о передаче их по радио, пусть даже и по защищенному каналу. В конце стояли подписи не только Насти, но и Герды. Я быстро набросал ответный текст:

Буду у вас через тридцать часов. До моего прибытия ничего не предпринимать. Найденов.

Потом подумал, прикинул, после чего заменил «тридцать» на «двадцать пять». В конце концов, зря, что ли, крейсер возит вертолеты? Последний отрезок пути прекрасно можно будет преодолеть и по воздуху.

ГЛАВА 4

Вертолет сел неподалеку от лагеря пришельцев с «Херсона», подняв тучи красной пыли. Я вылез наружу, и на шее у меня повисла неизвестно откуда выскочившая Настя.

— Пап, как же ты вовремя!

— Дочь, соблюдай приличия, — попытался я воззвать к ее чувству долга, — ты же ликтор, то есть немалый чин, да и я тоже не хрен с горы, все-таки какой-никакой, а государственный канцлер. Ладно бы мы были одни, но тут ведь полно народу.

— Они ничего не видят из-за пыли, — объяснила Настя, — я специально не стала ждать, пока она осядет. Вот, кажется, уже пора.